

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

А.В. ПОСАДСКИЙ

ЗЕЛЕНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Крестьянский фронт между красными
и белыми. 1918—1922 гг.

Новейшие исследования по истории России

Антон Посадский

**Зеленое движение в Гражданской
войне в России. Крестьянский
фронт между красными
и белыми. 1918—1922 гг.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)6-3

Посадский А. В.

Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918—1922 гг. /

А. В. Посадский — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-07689-2

Книга доктора исторических наук, специалиста по истории Гражданской войны в России А.В. Посадского посвящена массовому крестьянскому вооруженному движению в 1918 – 1922 гг. Оно получило название «зеленого» и представляло собой самооборону крестьян против вторжений в их жизнь и быт различных участников Гражданской войны, форму вооруженной борьбы деревни за свои интересы. В изменчивых обстоятельствах Гражданской войны зеленое движение могло превращаться в красно-зеленое и бело-зеленое. Однако главная его сила заключалась в массовости. Грандиозная «зеленая» волна мая – августа 1919 г. в русских губерниях продемонстрировала отношение деревни к коммунистам, разверстке, мобилизациям. Слабоструктурированный крестьянский протест хотя и не имел шансов на военную победу, однако представлял собой форму самостоятельного крестьянского участия в Гражданской войне. Автор на большом архивном и мемуарном материале показывает отношение к зеленым белого и красного лагерей, сторонних наблюдателей, уделяет внимание образу зеленых в пропаганде и литературе. В работе проанализирована взаимосвязь зеленого движения с миллионным потоком дезертиров из РККА и белых армий.

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)6-3

ISBN 978-5-227-07689-2

© Посадский А. В., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение[1]	7
Раздел 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Антон Посадский
Зеленое движение в Гражданской
войне в России. Крестьянский фронт
между красными и белыми. 1918–1922 гг

Новейшие исследования по истории России

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-41-93579)

Введение¹

Революция и междоусобная брань всегда очень цветисты, во всех смыслах слова. Яркая лексика, агрессивный жаргон, выразительные названия и самоназвания, настоящее пиршество лозунгов, знамен, речей и транспарантов. Достаточно вспомнить названия частей, например в американской гражданской войне. У южан были «убийцы Линкольна», всевозможные «бульдоги», «молотильщики», «желтые куртки» и проч., у северян – грандиозно-зловещий анаконда-план. Гражданская война в России никак не могла стать исключением, тем более что в стране, только подступавшей ко всеобщему школьному обучению, визуальное восприятие и маркирование значили много. Недаром романтики мировой революции так много ждали от кинематографа. Невероятно выразительный и всем понятный язык найден! Звук еще раз убил агрессивно-революционную мечту: фильмы заговорили на разных языках, диалог сменил неотразимую силу живого плаката.

Уже в революционные месяцы 1917 г. знамена ударных частей и частей смерти дали столь выразительный материал, что по ним успешно защищена интересная кандидатская диссертация¹. Случалось, что яркое знамя имела часть с самой скромной реальной боевой численностью.

Осень 1917 г. окончательно определила названия главных действующих лиц – красных и белых. Красной гвардии, а вскоре и армии противостояли белые – белогвардейцы. Само наименование «Белая гвардия», считается, принял один из отрядов в московских боях конца октября – начала ноября. Хотя логика развития революции подсказывала ответ и без этого почина. Красный издавна был цветом бунта, революции, баррикады. Белый – цвет порядка, законности, чистоты. Хотя история революций знает и иные сочетания. Во Франции сражались белые и синие, под таким названием вышел один из романов А. Дюма из его революционной серии. Синие полубригады стали символом победоносной молодой революционной французской армии.

В картину разворачивавшейся Гражданской войны в России наряду с «основными» цветами вплетались и иные. Черной гвардией именовали себя анархистские отряды. Тысячи черногвардейцев сражались на южном направлении в 1918 г., весьма настороженно относясь к своим красным сотоварищам. Вплоть до схваток начала 1930-х появлялось самоназвание повстанцев «черные партизаны». В Оренбуржье известна даже Голубая армия среди многих повстанческих антибольшевистских формирований. «Цветными», едва ли не официально, будут именоваться наиболее сплоченные и боеспособные белые части на Юге – знаменитые корниловцы, алексеевцы, марковцы и дроздовцы. Такое название они получили по цвету погон.

Цветовые маркировки активно использовали и в пропаганде. В листовке штаба воссозданного Северо-Кавказского военного округа весной 1920 г. выделялись «бандиты «желтые» – это сыны обиженных кулаков, эсеров и меньшевиков, батьки, махновцы, маслаки, антоновцы и прочие соратники и прихлебатели буржуазной контрреволюции», бандиты «черные», «белые», «коричневые»².

Однако наиболее известным третьим цветом в Гражданской войне остался зеленый. Зеленые стали весомой силой на некоторых этапах Гражданской войны. В зависимости от склонности конкретных зеленых формирований поддержать ту или иную «официальную» сторону появлялись бело-зеленые или красно-зеленые. Хотя эти обозначения могли фиксировать лишь

¹ Монография подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16–41 -93579. Автор выражает признательность Ф.А. Гушину (Москва) за возможность ознакомиться с рядом мемуарных материалов.

временную, сиюминутную тактическую линию или же поведение, продиктованное обстоятельствами, а не четкую политическую позицию.

Гражданская война в большой стране неизменно создает неких главных субъектов противостояния и значительное количество промежуточных или периферийных сил. Например, Гражданская война в США втянула в свою орбиту индейское население, появились индейские формирования как на стороне северян, так и на стороне южан; были штаты, державшие нейтралитет. Много красок обозначилось и в гражданских войнах, например, в многонациональной Испании в XIX и XX вв. В Гражданской войне в России основные субъекты противостояния кристаллизовались довольно быстро. Однако внутри белого и красного лагерей нередко были весьма серьезные противоречия, даже не столько политического характера, сколько на уровне политических эмоций. Красные партизаны не терпели комиссаров, белые казаки не доверяли офицерству и т. п. Кроме того, на национальных окраинах с большим или меньшим успехом структурировались новые государственные образования, стремившиеся в первую очередь обзавестись собственной вооруженной силой. Все это делало общую картину борьбы чрезвычайно пестрой и динамично менявшейся. Наконец, воюют всегда активные меньшинства, они поднимают за собой более широкие массы сограждан. В крестьянской (и обвалью заново окрестьянившейся в 1917–1920 гг. за счет земельного передела и стремительной деиндустриализации) России главным действующим лицом в сколько-нибудь продолжительной борьбе оказывался мужик. Поэтому крестьянин в армиях противоборствующих сторон, в повстанцах, в дезертирах – в любых состояниях, созданных масштабной внутренней войной – уже одной своей массовостью являл величину весьма значительную. Зеленые и стали одной из форм крестьянского участия в событиях Гражданской войны.

Зеленые имели очевидных предшественников. Крестьянин всегда страдает от войны, втягивается в нее зачастую по необходимости, – или неся повинность в пользу государства, или же защищая свой очаг. Если решиться на неблизкие аналогии, то можно вспомнить, как из необходимости самозащиты и оформившегося национального чувства выросли военные успехи французов во время Столетней войны в 1360 – 1370-х гг. и в эпоху Жанны д'Арк, успехи и новации в военном искусстве голландских гезов в конце XVI столетия с «передачей» их через шведов русским ополчениям Смутного времени во главе с М. Скопиным-Шуйским. Однако эпоха Нового времени уже слишком далеко развела боевые возможности регулярной армии и любых импровизированных повстанческих формирований. Наверное, наиболее ярко эту ситуацию продемонстрировала эпопея клобменов – «дубинщиков» – в годы гражданских войн в Англии в XVII столетии.

Роялисты-кавалеры сражались с парламентскими армиями. Борьба велась с переменным успехом. Однако любая внутренняя война прежде всего бьет по невоюющим низам. Невоздержанные армии обеих сторон тяжелым бременем легли на крестьянское население. В ответ и поднялись дубинщики. Движение не было повсеместным. Оно локализовалось в нескольких графствах. В отечественной литературе наиболее подробным изложением этой эпопеи остается давнее сочинение профессора С.И. Архангельского.

Активность клобменов является одним из этапов развития крестьянского движения в Англии в годы гражданских войн XVII в. Пик развития этого самооборонческого движения пришелся на весну – осень 1645 г., хотя свидетельства о местных вооруженных формированиях известны почти с начала военных действий, равно как и позднее, за пределами 1645 г.

Показательны взаимоотношения вооружившихся мужиков и главных действующих сил междоусобицы – кавалеров и сторонников парламента. Выделим некоторые сюжеты, интересные для нашей темы.

Клобмены – это главным образом сельские жители, организовавшиеся для противодействия грабежам и принуждения противоборствующих сторон к миру.

Клобмены имели свою территорию – это прежде всего графства Юго-Западной Англии и Уэльс. Данные территории в основном стояли за короля. При этом движение распространялось и за пределы базовой территории, охватывая, на пике развития, более четверти территории Англии. Клобмены как бы «не замечали» Гражданской войны, выражая готовность кормить любые гарнизоны, с тем чтобы те не бесчинствовали, выражая в петициях благоговение перед королевской властью и уважение к парламенту. При этом бесчинства войск вызывали отпор, и иногда достаточно эффективный. Рядовые клобмены были в основном сельскими жителями, хотя в их руководстве обнаруживаются и дворяне, и священники, и значительное число горожан. В разных графствах были разные настроения и мотивации к участию в клобменском движении. Это объясняется различием социально-экономического положения. От войны страдали все, но патриархальный Уэльс и экономически развитые, кормившиеся шерстяным промыслом английские графства дают разную картину.

В 1645 г. клобменов было порядка 50 тысяч человек. Эта численность превышала королевские вооруженные силы – около 40 тысяч, и немногим уступала парламентским (60–70 тысяч).

Интересно, что и король, и парламент пытались привлечь клобменов на свою сторону. Прежде всего звучали обещания обуздать грабительские наклонности войск. При этом обе стороны стремились разрушить клобменскую организацию. И кавалер лорд Горинг, и парламентский военачальник Ферфакс равно запрещали клобменские собрания. Видимо, понимание того, что клобмены, в дальнейшем развитии, способны вырасти в некую третью силу, существовало и на стороне короля, и на стороне парламента, и вызывало противодействие. И тем и другим нужен был ресурс, а не союзник со своими собственными интересами.

Считается, что к концу 1645 г. движение клобменов было в основном ликвидировано усилиями парламентских войск под командованием Ферфакса. В то же время многотысячные организации, даже сравнительно слабо структурированные, не могли исчезнуть в одночасье. Действительно, уже весной 1649 г., на новом этапе массового движения, зафиксирован случай прихода внушительного отряда клобменов из графства Сомерсет на помощь левеллерам³.

При всей рискованности аналогий через три столетия, отметим сами сюжеты, сходные в гражданских войнах в Англии и России. Во-первых, низовое массовое движение склонно к известной самостоятельности, хотя вполне готово прислушаться к обеим «главным» сторонам борьбы. Во-вторых, оно территориально локализовано, хотя имеет тенденцию к расширению на соседние территории. В-третьих, в мотивах преобладают местные интересы, прежде всего задачи самозащиты от разорения и бесчинств. В-четвертых, именно реальная или потенциальная самостоятельность повстанческого движения вызывает беспокойство главных действующих сил гражданской войны и стремление ликвидировать его или встроить в свои вооруженные структуры.

Наконец, русская Гражданская война разворачивалась тогда, когда догорала большая междоусобица с активным крестьянским участием на другом континенте – в Мексике. Сравнительное изучение гражданской войны в американской стране и в России имеет очевидные научные перспективы. В самом деле, деятельность крестьянских армий Сапаты и Вильи дает богатый и живописный материал к изучению восставшего крестьянства. Однако для нас важнее то, что данная аналогия была видна уже современникам. Известный публицист В. Ветлугин в 1919 г. писал про «мексиканскую Украину» в белой прессе, образ Мексики возникает и в его книге очерков «Авантюристы Гражданской войны», вышедшей в 1921 г. Степные удалыцы, которые беспощадно грабили железные дороги на Юге, вполне закономерно вызывали подобные ассоциации. Правда, в «зеленых» местностях «Мексики» бывало сравнительно мало, это более принадлежность степной атаманщины.

Для обозначения повстанчества и антибольшевистской повстанческой борьбы в РСФСР уже с 1919 г. появился термин «политический бандитизм», прочно и надолго вошедший в

историографию. При этом главным субъектом этого бандитизма являлось кулачество. Данный оценочный стандарт распространялся и на ситуации других гражданских войн, в результате которых к власти приходили коммунисты. Так, изданная в 1951 г. в СССР книга по истории Китая сообщала, что в КНР в 1949 г. еще оставался миллион «гоминьдановских бандитов». Но уже к первой годовщине республики численность «бандитов» сократилась до 200 тысяч⁴. В перестроечные годы этот сюжет вызвал полемику: «повстанцы» или «бандиты»? Склонность к тому или иному обозначению определяла исследовательскую и гражданскую позицию писавшего.

«Большая» гражданская война не вызывала столь пристального внимания у аналитиков русского зарубежья, как начальный добровольческий период. Это ясно видно на примере известных трудов Н.Н. Головина и А.А. Зайцова. Соответственно, и зеленое движение не оказывалось в фокусе внимания. Показательно, что позднесоветская книга о красных партизанах вообще никак не касается зеленого движения, даже красно-зеленого. При этом, например, в белорусских губерниях показано максимально большое количество, вряд ли соответствующее действительности, партизан коммунистической направленности⁵. В недавней фундаментальной попытке представить некоммунистический взгляд на российскую историю⁶ специально зеленое движение также не выделено.

Зеленое движение иногда трактуется максимально широко, как всякая вооруженная борьба в рамках Гражданской войны за пределами белых, красных и национальных формирований. Так, А.А. Штырбул пишет о «широком и многочисленном, хотя и разрозненном, все-российском партизанско-повстанческом движении зеленых». Он обращает внимание на то, что в этом движении значительную роль играли анархисты, а также на то, что для большинства представителей этой среды белые были «более неприемлемы», чем красные. В пример приводится Н. Махно⁷. Р.В. Даниэле предпринял попытку дать сравнительный анализ гражданских войн и их динамики. По его мнению, российское революционное крестьянство, отчужденное политикой продразверстки, «стало во многих частях страны свободной политической силой», выступая против белых и против красных, а наиболее драматично это положение проявилось в «движении «зеленых» Нестора Махно на Украине»⁸. М.А. Дробов рассматривает военные аспекты партизанства и малой войны. Он подробно разбирает красное повстанчество Гражданской войны. Зеленые для него – прежде всего сила антибелогвардейская. «Среди «зеленых» необходимо различать шайки бандитствующих, шкурников, разные типы уголовной шпаны, не имевшие никакого отношения к повстанчеству, и группы крестьянской бедноты и рабочих, рассеянных белыми и интервентами. Именно эти последние элементы... не имея никаких связей ни с Красной армией, ни с партийной организацией, самостоятельно организовывали отряды с целью нанесения вреда белым при каждом удобном случае»⁹. М. Френкин пишет об операциях зеленых в Сызранском и других уездах Симбирской губернии, в ряде уездов Нижегородской и Смоленской, в Казанской и Рязанской губерниях, скоплениях зеленых в Белоруссии с ее обширными лесными и болотистыми пространствами¹⁰. При этом название «зеленые» для, например, казанских или симбирских краев нехарактерно. Расширенное понимание зеленого движения присуще и исторической публицистике¹¹.

Большую роль в изучении крестьянского участия в Гражданской войне сыграла Т.В. Осипова. Она одной из первых подняла тему субъектности крестьянства в междоусобной войне¹². В последующих работах этого автора¹³ развернута картина крестьянского участия в революционных и военных событиях 1917–1920 гг. Т.В. Осипова акцентировала внимание на том, что в западной литературе не замечено протестное движение великорусского крестьянства, а оно было, и было массовым.

Известный очерк крестьянских восстаний М. Френкина касается, естественно, и темы зеленых. Он вполне правильно оценивает зеленое движение как появляющуюся в 1919 г. специфическую форму крестьянской борьбы, то есть как некую новацию в крестьянской схватке с властью. С этим движением он связывает активную деятельность крестьян по уничтожению советских хозяйств во время рейда Мамонтова¹⁴. М. Френкин прав с точки зрения общей логики крестьянской борьбы. В то же время следует осторожно принимать его оценочные суждения о неизменной многотысячнойTM зеленых. Иногда в этом вопросе сознательные искажения порождали целую традицию некорректного восприятия. Так, Е.Г. Ренев показал, что опубликованные в Зарубежье воспоминания полковника Федичкина об Ижевско-Боткинском восстании подверглись в редакции издания серьезной правке с намеренным искажением содержания. В результате вместо крестьянских отрядов по сто человек, которые поддержали в Вятской губернии рабочее восстание, в публикации появились десятитысячные отряды¹⁵. М. Бернштам же в своем труде исходил из опубликованной версии и подсчитывал активных бойцов на стороне восставших, доходя до четверти миллиона человек¹⁶. С другой стороны, небольшой активный отряд мог успешно действовать при тотальной поддержке и солидарности местного населения, иногда достаточно внушительной округи. Поэтому при подсчетах повстанческих, слабовооруженных и слабоорганизованных (в военном смысле слова) сил может оказаться уместным оценивать не только число сражающихся, но и общую численность населения, вовлеченного в восстание или иное протестное движение.

В 2002 г. были защищены две диссертации по военнополитической активности крестьянства в Гражданской войне, специально затрагивавшие проблематику зеленого движения. Это работы В.Л. Телицына и П.А. Аптекаря¹⁷. Каждая из них содержит отдельный сюжет, посвященный «зеленовщине» 1919 г.¹⁸ Авторы эти сюжеты опубликовали¹⁹. П. Аптекарь дает общий очерк зеленых восстаний, В. Телицын активно использовал тверской материал.

Зеленое движение в последние два с половиной десятилетия активно изучается в регионах. Некоторые сюжеты хорошо разработаны с использованием местных фондов советских учреждений, архивно-следственных дел. С. Хламов исследует историю наиболее организованных владимирских зеленых, действовавших в Юрьевском (Юрьев-Польском) уезде. С.В. Завьялова изучает костромскую зеленювщину в Варнавинском и Ветлужском уездах, в том числе Уренском крае, как составную часть повстанчества в этих краях, начавшегося летом 1918 г.²⁰ А.Ю. Данилов предлагает подробную картину выступлений ярославских зеленых, прежде всего в Даниловском и Любимском, а также Пошехонском уездах²¹. В Ярославской области активно и успешно изучается деятельность правоохранительной и карательной системы, в том числе в раннесоветский период²². Ведомственная историография ставит важные вопросы, например о мотивах жестокости при подавлении зеленого движения. М. Лапшина детально прояснила ряд сюжетов костромской зеленювщины²³. По тверским выступлениям как 1918, так и 1919 гг. в последние годы продуктивно работает К.И. Соколов²⁴. Крупнейшее зеленое восстание в Спас-Есеновичах вызвало подробный реконструктивный разбор вышневолоцкого краеведа Е.И. Ступкина²⁵. Рязанские авторы сформировали достаточно подробную картину так называемый огольцовщины – борьбы активной повстанческой группы в Рижском уезде. Во главе ее были последовательно разные люди, наиболее известной фигурой из них является Огольцов, собственно и поднявший довольно массовое зеленое движение в нескольких волостях, а наиболее интересной – С. Никушин. По этой теме активно работает Г.К. Гольцева²⁶. С.В. Яров предложил типологизацию восстаний 1918–1919 гг. на материалах Северо-Запада России²⁷. По Псковщине в 1919 г. активно работает молодой исследователь М.В. Васильев²⁸. Прихоперскую зеленювщину изучает балашовский исследователь А.О.

Булгаков, проводящий, в частности, полевые поисковые исследования²⁹, объемное исследование по этому региону выпустил автор настоящей книги³⁰. Северный материал в значительном числе трудов отработали В.А. Саблин, Т.И. Трошина, М.В. Таскаев и другие исследователи³¹. Калужский краевед К.М. Афанасьев выстроил документальную летопись губернской жизни за годы военного коммунизма, коснувшись, естественно, тематики дезертирства и сопутствующих ей³². Значительный массив материалов по повстанческому, в том числе зеленому, движению в годы Гражданской войны опубликован в серии сборников под нашей редакцией³³.

В то же время некоторые сюжеты остаются в тени из-за отсутствия профессиональных исследовательских «рук».

Так, мало исследована жигаловщина – крупное движение, поднятое в 1918 г. в Пореченском (по-советски Демидовском) уезде Смоленской губернии, имевшее длительную историю. У истоков повстанческого движения стояли три брата Жигаловых (Жегаловых). Остается в тени активное зеленое движение в Новгородской губернии.

Наиболее известно зеленое движение как более или менее отрефлексированная позиция «третьей силы» в Черноморской губернии. По этому сюжету есть советские мемуары, много упоминаний в мемуаристике белой стороны. Эпопея, что редкость для повстанческих сюжетов, описана одним из инициаторов дела гвардейским офицером Вороновичем, издавшим книгу документов по теме³⁴. В современной историографии следует выделить комплексное исследование, проведенное сочинскими исследователем А.А. Черкасовым³⁵, и работу Н.Д. Карпова³⁶.

Белорусские атаманы национальной направленности имеют свою долю внимания в белорусской историографии, прежде всего следует назвать имена Н. Стужинской и В. Ляховского.

Изучение зеленого движения никак не назвать в числе приоритетных тем западной историографии русской Гражданской войны. Однако есть интересная работа, напрямую посвященная данному сюжету. Это статья Э. Ландиса³⁷, автора англоязычной монографии «Бандиты и партизаны», посвященной Тамбовскому восстанию 1920–1921 гг. Ландис рассуждает, используя понятие «коллективной идентичности», и верно сопрягает зеленое движение с мобилизациями и дезертирством. Он правильно указывает, что зеленая армия – собирательное наименование.

Революция приходит из столицы. В русском рисунке революционного процесса это так. Китай позднее продемонстрирует другой вариант – выход революции из сельских «освобожденных районов» в города. Но для русской провинции революция пришла «по телеграфу». Ее многие ждали, часто восторженно или с большими надеждами встречали. Сам факт ведомости провинции по отношению к столице и сельской местности по отношению к ближайшим городским центрам задавал на будущее алгоритм взаимного восприятия и взаимодействия. Владующий городом, газетой, прессой, железной дорогой владел «большим миром». Мир сельский, местный, мог только обособливаться, закрываться, выстраивать некую обособленную жизнь по отношению к ставшему враждебным или непонятным «большому» миру.

1919 г. прошел под знаком «зеленого» повстанчества в центрально-промышленных, северных, отчасти черноземных, поволжских губерниях. Наименование «зеленые» прочно вошло в словарь тех лет. Слово «зеленые» стало и самоназванием, и названием. Оно активно используется в официальной переписке и белых, и красных, присутствует в мемуаристике. Метафорическое название «зеленые» рождало новые вариации: лесные, кустарные, житомирские (от слова «жито») «полки», «батальоны», «дивизии», В Зауралье, например, бытовало название «кустарники» для антиколчаковских партизан. На Юге использовалось наименование «камышанники» или «камышатники» для повстанцев, укрывавшихся в азовских или днепровских плавнях. Там же бытовало название «зеленчуки», В промышленных губерниях часто говорили о зеленых, зеленоармейцах, зеленой армии или гвардии. В 1919 г. в Саратовской

губернии родился следующий документ – воззвание к противникам советской власти со стороны Ивановской лесной дивизии (!). Документ подписан председателем, секретарем и адъютантом дивизии. В нем объявляется о внушительной численности «дивизии» (два полка прежнего времени, батарея и т. д.), «прекрасных» и «великолепных» блиндажах и хозяйственной части. Авторы объявляли, что их делегаты отправились на Урал и Дон и в середине июня должны вернуться со сведениями от «братьев-казаков». «Товарищи дезертиры кустарных батальонов и полков» приглашались в состав «дивизии», авторы убеждали их «не даваться отрядам» (по борьбе с дезертирством). Лозунг предлагался обтекаемо-антимобилизационный – «долой Советы и войну, да здравствует Учредительное собрание!»³⁸. Дальнейших следов этой «дивизии» в собственно военных событиях на территории губернии не обнаруживается.

Дезертиры тоже дали целый букет наименований: «бегуны» или «бегущцы», «летчики» или «перелетчики» («Летишь?» – могли понимающе спросить встречного парня с котомкой за плечами) и т. п. Наконец, само определение «дезертир» стало вполне обыденным. Дезертирство из Красной и Белой армий не воспринималось как нечто предосудительное. Иначе невозможны были бы формулировки типа «товарищи дезертиры», которые встречаются в воззваниях зеленых. При массовом характере дезертирство стало известной социальной ролью и политической позицией, несмотря на усиленное пропагандистское шельмование этой позиции и белыми, и красными.

Крестьянское движение в 1918–1921 гг. может быть оценено с учетом достижений историографии по предшествующему периоду крестьянской активности, который надежнее обеспечен источниками. Характер крестьянского движения в Черноземье в 1905–1907 гг. подробно исследован В.А. Степаниным³⁹, материал по 1907–1914 гг. систематизирован М. Егоровым⁴⁰. Их исследования позволяют сделать следующие наблюдения. Массовость участия крестьян делала затруднительным подсчет числа выступлений и их участников. Характерной чертой движения была неравномерность. Каждая губерния демонстрировала разную интенсивность движения, с пиками в разное время. Подъемы могли быть связаны с примером соседей, возвращением отходников, влиянием рабочих железнодорожных мастерских или иных предприятий, близко соседствующих с крестьянским населением. Крупные поместья провоцировали большую активность крестьян.

Как правило, в активно выступавших в тот или иной месяц уездах в последующее время выступлений было мало или вовсе не было. В большинстве случаев селение выступало один раз. Наибольшую ненависть вызывали не капиталистические, а кабальные, «феодалные» способы эксплуатации.

Проблема учета и классификации крестьянских выступлений существовала всегда и породила ряд методик. Наиболее адекватным является учет числа участников и охваченных движением сел. В «Хрониках» крестьянского движения в XIX столетии, по предложению Н.М. Дружинина, учет начинается с выступлений с числом участников не менее 10 человек. Н.Н. Лещенко разделял групповые (5 – 15 участников) и массовые (свыше 15) выступления⁴¹. Не раз становился предметом обсуждения в советской историографии вопрос о численности активных повстанцев в годы Гражданской войны. Так, Ю. ГЦетинов выявил, что доля участников вооруженной борьбы с советской властью в активных повстанческих районах составляла всего 2–5 % от численности мужского населения. Но, во-первых, этот автор подтверждает наблюдения еще 1920-х гг. о крайней неравномерности участия крестьян в повстанчестве, во-вторых, даже столь «ничтожный» процент участия создавал мощные устойчивые центры сопротивления, что вызывает к адекватным объяснениям⁴². Действительно, подробный статистический региональный анализ крестьянского движения позволяет констатировать крайнюю неравномерность выступлений – и временную, и территориальную. При этом надежно определить причины тех или иных различий в крестьянском движении по регионам часто оказывается

невозможно⁴³. Хорошо документированное крестьянское движение в пореформенный период зачастую демонстрировало крайнюю неравномерность в своем развитии даже в рамках одной губернии. Так, за 1902–1904 гг. в Воронежской губернии из двенадцати уездов в трех волнениях не зафиксировано, в пяти произошло по одному, в остальных четырех движение было более интенсивным. При этом в Воронежском уезде с весны 1902 по весну 1903 г. довольно многочисленные волнения сосредоточились в пределах одной Орловской волости, в Бирюченском уезде также был ряд центров неоднократных волнений – Верхилубянская, Веселовская, Палатовская волости, из которых был большой отход на шахты⁴⁴. Очень интересно наблюдение, сделанное на материалах революции 1905–1907 гг., о феномене усталости: большинство сел, участвовавших в движении, выступало единожды. Очевидно, выступление было для крестьян действием весьма затратным, к тому же влекущим репрессивные акты властей⁴⁵. Поэтому проблема согласования крестьянского движения во многом ресурсная, а не организационная. О. Буховец выяснил, на материалах белорусской деревни за 1907–1914 гг., крайне слабую зависимость между крестьянским движением и агитационными усилиями революционных партий⁴⁶. В то же время С.В. Лурье отмечала громадную востребованность революционной литературы тогда, когда крестьянское движение само «доросло» до значительных масштабов и необходимости координации усилий⁴⁷. Данные характеристики можно увидеть и в массовых выступлениях периода 1917–1922 гг.

Вопрос о крестьянском восстании 1917 г. следует признать дискуссионным⁴⁸. Однако при гигантском многообразии условий и обстоятельств крестьянской жизни в России можно точно указать отправной пункт крестьянского восстания (крестьянской войны) 1917 г. Это конфликт 7 сентября 1917 г. в Сычевке Ярославской волости Козловского уезда. За неделю восстание охватило четырнадцать волостей уезда, было разгромлено пятьдесят четыре имения. Треть пострадавших была собственниками из крестьян⁴⁹. Движение стало распространяться на соседнюю Саратовскую губернию. При этом основным мотивом служила неопределенная политика власти, которая создавала опасение, что крестьяне земли не получат⁵⁰. Б.Т. Корнюшин также высказал убеждение, что именно отсутствие «верного» правительства, стремление любой ценой сделать необратимым конец войны как предпосылку для земельного передела (возврат домохозяев) вызывали крестьянские земельные захваты и беспорядки⁵¹. С развитием революционного процесса крестьяне вынуждены были вырабатывать свое представление о происходящем, новые формы самоорганизации в быстро менявшихся обстоятельствах.

Отслеживание крестьянских настроений и ведение статистики активности в низах начинаются рано. Уже в 1918 г. этим занимаются и ВЧК, и политотделы РВС армий и фронтов РККА, и партийные инстанции большевиков, и белые разведывательные и контрразведывательные структуры. Значительные массивы этой информации введены в научный оборот, в том числе опубликованы⁵². При этом следует иметь в виду, что рубрикация настроений, которую исследователь обнаруживает в такого рода документах, нуждается в деконструкции, в учете контекста и принятого языка нового делопроизводства. Например, в политотделе 6-й красной армии составили таблицу настроений деревни из семи градаций, среди которых обнаруживаем настроения «переломное в сторону революции» или «тревожно-колеблющееся»⁵³. Без дополнительных разъяснений понять, в чем же выражается в каждом конкретном случае так обозначенное настроение, затруднительно.

Уже ранние чекистские и партийные сводки содержали классификацию настроений, массовых выступлений. Например, волость могла быть определена как «злостно-бандитская». Массовые и вооруженные выступления могли классифицироваться так: «на почве мобилизации», «на продовольственной почве» и т. п. Разумно предполагать соединение различных мотивов, как сиюминутных, вызванных конкретным вторжением в жизнь села, так и долгодей-

ствующих. Поэтому классификации выступлений во многих случаях представляют собой скорее оценку наиболее очевидного повода, а не причины выступления.

Таким образом, источники по истории зеленого движения многообразны и многочисленны. В то же время попытка составить подробный очерк зеленого движения в масштабах всей страны неизбежно поставит исследователя перед необходимостью обрабатывать гигантский объем материалов с весьма скромным исследовательским результатом. Как только зеленые проявляли заметную активность, они неизбежно попадали в поле зрения различных инстанций белых и красных. Зеленые восстания были, как правило, слабо структурированы, но они описывались военными, чекистскими, разведывательными, продовольственными и прочими инстанциями Советской России, разведкой, прессой белых. Пассивное же бытие зеленых, как правило, оставалось за кадром: на войне интересны только военные события. Кроме того, традиционно для повстанческих движений зеленое движение породило весьма немного собственных документов. Повстанческое движение 1920–1921 гг., как правило, было довольно активно в пропаганде, стремилось озвучить некую, как правило народнического типа, политическую позицию. Зеленое движение 1919 г. более молчаливо. Правда, опубликованы дневники интересных, рефлексирующих происходящее и свою собственную деятельность вождей зеленых. Это ярославский Г. Пашков и рязанский С. Никушин⁵⁴.

Зеленые попадали в поле зрения мемуаристов, выступали в качестве объекта злой иронии или агитационных усилий с белой и красной стороны в годы Гражданской войны, попадали в фольклор и становились объектом внимания исследователей. При этом сам предмет изучения столь аморфен, что общего очерка развития зеленого движения в масштабе монографического исследования так и не было создано. Автор предлагает дать абрис не только зеленого движения как вооруженной составляющей Гражданской войны, но и «зеленого существования» как стратегии выживания и реакции крестьян на вторжения со стороны власти. Данная книга – своего рода версия зеленой составляющей Гражданской войны⁵⁵. В фокусе внимания находится 1919 г., хотя зеленые действовали в некоторых местностях и значительно позднее. Иная степень подробности, иной контекст рассмотрения – например, зеленые как часть сельского сообщества – способны дать иной взгляд на этот феномен.

Мы предпочитаем опираться в нашем изложении на источники, как опубликованные, так и архивные. Это делается потому, что слабоструктурированные массовые движения, почти не дающие собственной документации, легко поддаются различным интерпретациям и использование вторичных материалов делает выводы слишком уязвимыми. С опубликованными результатами довольно многочисленных, как было показано выше, региональных исследований читателю нетрудно ознакомиться самостоятельно.

После падения императорской власти довольно активно пошел процесс административных изменений. Выделялись новые волости – часто таким образом обособлялись отрубщики. Появлялись новые уезды, в Советской России появился район как новая административная единица. В 1918 г. произошли изменения и большего масштаба. Так, из Вологодской губернии была выделена Северо-Двинская, из Новгородской – Череповецкая, национальное строительство в Поволжье и Приуралье изменило привычные границы крупных Казанской, Уфимской и ряда соседних губерний. Самоидентификация жителей в годы Гражданской войны при этом осуществлялась по привычному губернскому принципу – «вятские», «самарские» и т. п. Это следует иметь в виду при анализе и зеленого движения. Последующие изменения административных границ создали ситуацию, при которой одно и то же событие оказалось принадлежащим соседним регионам. Так, известное Уренское восстание 1918 г. в Костромской губернии и последующее долгое сопротивление в этом отдаленном крае ныне изучается нижегородским научным сообществом, так как данная территория стала принадлежать Нижегородской области.

Раздел 1

Крестьяне в гражданской войне

По удачному определению Л. Милова, крестьянство представляет для науки «неопределенное множество»; характеризовать же крестьянство, составлявшее до 90 % населения, как единое цельное сословие обоснованно представляется исследователю рискованным. Крестьянство обладает громадным внутренним разнообразием⁵⁶. Т. Шанин предложил концепцию циклической мобильности крестьянских хозяйств, при которой процессы социально-экономического расслоения и выравнивания понимаются как параллельные. На базе этого понимания объяснима высокая степень внутрикрестьянской солидарности, которая успешно противостояла даже целенаправленным мероприятиям государства по «внесению классовой борьбы». Поэтому, несмотря на имевшее место расслоение и разницу в социально-экономическом положении в каждый отдельный момент времени, «второй классовой войны» в деревне так и не возникло, и «целые села с оружием в руках стоят либо за красных, либо за белых, а то и за зеленых, но внутренних столкновений практически нет»⁵⁷. Хозяйственные механизмы существования русского крестьянина в режиме «двух экономик» (зимней и летней) и представление о соотношении числа детей и развития хозяйства представлены в исследованиях В. Башлачева⁵⁸. Он также указывает на цикличность в развитии среднего семейного русского крестьянского хозяйства. Крестьянство оказывалось единым и солидарным в очень многих отношениях, несмотря на бурное развитие и многочисленные перемены.

Первая мировая война нанесла удар по сельскому хозяйству России, как и других воюющих стран. На рубеже 1916–1917 гг. Московское общество сельского хозяйства, Земский союз и Союз кооператоров сделали вывод о безальтернативности пути производственной кооперации и национализации крестьянского сельскохозяйственного производства⁵⁹. Однако положение не было катастрофическим. В 1916 г., по сравнению с довоенным временем, посевные площади сократились менее чем на 5 %, урожайность упала на 9,3 %, валовые сборы стали меньше на 11 %. Основной удар аграрному строю нанесла революция и ее последствия и Гражданская война. В 1921 г. сокращение посевов по сравнению с довоенным уровнем превысило одну треть, валовый сбор составил треть довоенного уровня (в 1920 г., когда не было воздействия природного фактора засухи. – *Авт.*). Этим показателям соответствовало катастрофическое сокращение поголовья скота, посевов и сборов технических культур, полное расстройство денежного обращения. Крестьянство с самого начала оказалось под очень жестким прессингом коммунистической власти⁶⁰.

Русское сельское хозяйство и крестьянство находились в сложном положении. Аграрное перенаселение невозможно было избыть в краткие сроки. К этому добавлялась игра интересов, внешние обстоятельства, ситуация грандиозной войны. Можно полагать, что большевистская политика являлась паразитированием на системной социальной проблеме, не решенной к моменту революции. Это обстоятельство и определяло настроения и реакции крестьянства в изменчивой картине Гражданской войны.

Многие наблюдатели отмечали глубокую и недобрую растерянность крестьян после революции. По впечатлениям писателя Ивана Наживина, для владимирских мужиков главным врагом виделся «биржуаз» (так соединялись слова «буржуазия» и «биржа»). Черноморские зеленые говаривали, что царя устранили «баринишки», а мужик ни при чем. «Господа», «кадеты», «интеллигенты» как зачинатели и корыстные виновники всего происходящего выступают неоднократно. Это замечалось мемуаристами. М.М. Пришвин записывал в дневнике: «Слышал, что меня называют контрреволюционером, и во враждебном тоне, называли же люди – противники

коммунистов, по-видимому, за то, что я не их круга человек, что я интеллигент, который и создает всю эту кутерьму». Может быть, наиболее рано и последовательно эту идею выразил И.Л. Солоневич, – господа «делают» революцию, а мужик потом приспосабливается сам и приспособливает эту самую революцию к своим потребностям и пониманиям. Публицист и знаток деревни А. Петрищев весной 1918 г. противопоставлял борющиеся в народе тенденции: «революцию» как творческую, созидательную стихию и «руину» как стихию апатии, распада, своекорыстия. По его мнению, в России мощны центростремительные силы, и нужен лишь центр их кристаллизации. Он же сделал важное замечание о том, что народная интеллигенция с политическим опытом 1905–1906 гг. в большинстве погибла на войне и крестьянству предстояло заново накапливать политический опыт⁶¹.

Любая война чрезвычайно ускоряет многие процессы. Известно соображение о том, что военное дело с 1914 по 1918 г. изменилось более, чем за 1871 – 1914 гг. Это же касается и социальных процессов. Гражданская же война переструктурирует социум, создает новые группирования. По П.А. Сорокину, большевики после прихода к власти «тормозили одних путем предоставления полной свободы ущемленным импульсам других. К этому присоединились агитация, пропаганда и привилегии наиболее активным «преторианцам» большевизма (право безнаказанного грабежа, насилия, паек в голодное время и т. п.). Таким путем был создан «кулак», на жизнь и на смерть связанный с большевиками»⁶². Этот «кулак» включал разные элементы, нередко ситуативно оказавшиеся на красной стороне и сыгравшие крупную роль в ее победе. Хрестоматийным примером являются латышские стрелки (сплоченность за пределами оккупированной родины, отсутствие демобилизации, возможность подпитки со стороны значительных латышских колоний из эвакуированных во многих русских городах, период национальной консолидации, стимулировавшийся событиями 1905–1907 гг., привилегированное положение на большевистской службе и т. д.). Иногда ситуация развивается за считанные месяцы и даже недели. Так, на Дону «период единодушия достаточно весомой части задонского казачества с иногородними и коренными крестьянами был относительно недолгим. Но этого времени хватило, чтобы появились и окрепли части, ставшие в дальнейшем основой красной конницы»⁶³. На восточном белом фронте неумение власти А.В. Колчака интегрировать в состав вооруженных сил добровольческие воткинские и ижевские формирования вызвало распад этих соединений в конце апреля 1919 г. В результате Белая армия потеряла около 13 тысяч опытных и мотивированных воинов в ответственный момент наступления, что можно считать одним из факторов поражения белого наступления и дальнейшего крушения белого фронта⁶⁴.

Война чрезвычайно быстро формирует новые групповые идентичности. Политически или в военном отношении актуализируются прежние сословные и иные группирования. Соответственно, возникают новые названия для обозначения появившихся социальных групп или родственных ощущений.

Все прежние социальные группы оказались в той или иной степени расколота или дезорганизованы революцией. Например, такая элитарная, но и в известной степени политически хрупкая, завязанная на карьеру и пребывающая в штабах группа, как офицеры Генерального штаба. Ныне многие сюжеты поведения генштабистов в Гражданской войне надежно прояснены исследовательскими усилиями А.В. Ганина. Генштабисты образовывали своего рода свой круг, связи внутри которого нередко не могли порвать даже линии фронтов. Весьма своеобразно вели себя кадровые гвардейские офицеры, особенно на Юге. В их поведении читается ревность к «новой гвардии» – добровольцам-первопоходникам, стремление восстановить свои части и в целом достаточно спокойное отношение к пафосу белой борьбы.

Война создавала добровольческие воодушевленные части, сориентированные на основателя-командира. Это могло происходить по схеме шефства, реального или подразумевае-

мого, как у белых, могло развиваться по атаманской линии, когда отряд спланивало имя и боевая репутация командира. Соответственно, и политическая ориентация таких формирований определялась по командиру. Так возникли боевые корпорации корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев, каппелевцев. Современный автор точно замечает, что такие части, точнее, части-братства, были объединениями орденского типа⁶⁵. А.Н. Толстой в «Хмуром утре» недоброжелательно, но точно отражает эту особенность: «...у дроздовцев – в лице ирония, любят носить пенсне – в честь их покойного шефа; у корниловцев – традиционно тухлый взгляд и в лице – презрительное разочарование; марковцы шикарят грязными шинелями и матерщиной». Дальнейшее многолетнее сплоченное существование в рассеянии подтверждает этот тезис.

На красной стороне появились думенковцы, чапаевцы, мионовцы, на Урале – чеверевцы и прочие. В среде независимой атамании вполне определенно появились махновцы, во время большого восстания на Тамбовщине – антоновцы, а также колесниковцы, шубовцы, сапожковцы и другие.

Во время больших и слабоструктурированных крестьянских восстаний также формировались самоназвания. Крупнейшим выступлениям в Поволжье в 1919 и 1920 гг. дали наименования чапаны (Чапанное восстание, от названия крестьянского кафтана) и вилочники, по названию главного крестьянского оружия.

В 1920–1921 гг. в самоназваниях повстанческих отрядов нарастают мотивы социальной справедливости, «обиды» (с «обиженным знаменем» ушел в повстанцы конармейский командир Маслаков), разорения, голода, который заставляет подниматься на самозащиту: это «армия правды», «войска воли народа», «восстание голодающих крестьян», «сыны разоренных отцов» и т. п.

Гражданская война чрезвычайно актуализировала фигуру чужака, пришлого, неместного. Русский простолюдин жил в мире местных связей, родства, землячества, отрефлексированное национальное чувство еще не родилось. Об этом писали многие интеллигентные наблюдатели, например генерал Н.Н. Головин. Мировая война же создала наплыв многочисленных чужих в пространство жизни русского крестьянина. Это миллионы пленных и беженцев, в некоторых районах, например на Урале – ощутимые количества представителей «желтого труда» – китайцев и корейцев. После 1917 г. в деревню стали прибывать горожане в поисках более надежного бытового существования. Хозяйственный развал и политическое обособление территорий с 1917 г., завершение мировой войны создавали все новые группы, вольно или невольно вовлекавшиеся в гражданскую войну. На Дону, например, запомнились эшелонщики – демобилизованные солдаты Кавказского фронта и краснотарпейцы, мало стеснявшиеся с местными по пути своего следования. Многие военнопленные оказались в тягостной ситуации с крушением системы снабжения и окарауливания лагерей. Желание добраться до дома в соединении с естественным желанием держаться своих плюс красная пропаганда и соблазны нетяжелой службы создали многочисленных «интернационалистов» Красной армии. В той же ситуации были и представители трудовых мигрантов. Населением и белыми они часто воспринимались в качестве наемников и палачей, хотя далеко не все таковыми хотели быть и были. Этот нерв их судьбы тонко почувствовал М.А. Булгаков в «Китайской истории» (рассказ 1923 г.). Многочисленное мешочничество также создавало свои правила жизни, приспособления и деятельности. Своего рода корпорацией на время стали «фронтовики». Недавно вернувшиеся с фронта и вообще со службы были, в большинстве, настроены революционно (так, как они эту революционность понимали), вызываясь противостояли «старикам», то есть поколению родителей, и всему привычному укладу жизни. С осени 1918 г. в Россию потянулись освобожденные многочисленные русские пленные из Германии и Австро-Венгрии, добавляя красок в настроения и восприятие войны. В отдельных местностях война развела по сторонам противостояния сравнительно недавно возникшие социальные группы. В Сибири старожилы и

стольпинские новоселы стали основой колчаковской милиции и самоохраны и краснопартизанского движения, соответственно, ожила старая земельная вражда русских и бурят в Забайкалье, казаков и горцев на Кавказе, татар и башкир в Приуралье и т. д. В результате формировались свои традиции противостояния, причем уже не вялотекущего, а яростного, вооруженного и жестокого. Кроме того, самая заурядная местная семейная и личная вражда в условиях Гражданской войны могла принимать военно-политическую окраску. Так, в апреле 1919 г. Тульский губрев-трибунал получил донесение начальника Павлохуторского волостдела И.Л. Чурилова, который утверждал, что жители хутора «вытащили его за горло из-за стола и сорвали общее собрание, а гражданин А.И. Кутепов выразился в его адрес, что скоро из коммунистов будут резать ремни». Чурилов наутро после собрания затребовал отряд красноармейцев якобы для усмирения взбунтовавшегося хутора. Дознание установило, что Кутепов подрался с братом Чурилова, и глава волостдела затаил обиду. Трибунал указал, что подобные действия «следует считать недопустимыми и могущими служить поводом к действительному восстанию»⁶⁶. Органы власти в волостях формировались из местных кадров, поэтому властные полномочия нередко использовались для сведения счетов. Пример – один из многих подобных.

Чрезвычайно благоприятная демографическая ситуация в России быстро поднимала новые многочисленные поколения. Призывные возрасты 1918, 1919 и последующих годов пополнили уже ряды Красной и Белой армий. Характерно, что белое командование, прежде всего на Востоке, где не было больших офицерских контингентов, делало ставку именно на молодого сибиряка, не прошедшего «разврата» 1917 г. И надо сказать, эта ставка вполне оправдалась в зимних боях 1918–1919 гг. Белая печать писала о «молодой Сибирской армии», объединяя молодость самого формирования и основного контингента. Из неслуживших контингентов, причем и казачьих, и иногородних (а взаимоотношения этих групп стали проклятием Донского командования) Донской атаман П.Н. Краснов в 1918 г. сформировал отлично дисциплинированную Постоянную или «Молодую» армию, которую готовил для решения общерусских задач.

Средний возраст комбатантов Гражданской войны резко снизился. В Императорской армии призывали в 21 год, Великая война вызвала к жизни досрочные призывы, в начале 1917 г. призывали 1898-й. Теперь же воевали и белые «баклажки*-кадеты, и красные чоновцы подросткового возраста, в массовых повстанческих движениях так или иначе участвовали и семьи, в том числе дети и подростки, например в качестве разведчиков.

Корпорациями обрисованного типа оказывались и «злостные» дезертиры какой-либо местности, и основное активное ядро зеленых. В свою очередь, активные выступления могли не состояться, если в какой-то момент не находился активный вожак и круг готовых его поддержать людей.

Участие крестьянства в Гражданской войне происходило как в виде самостоятельных массовых выступлений, так и через вовлечение крестьян агитационными и мобилизационными мероприятиями в вооруженные силы противостоявших государственных образований, прежде всего белых и красных. Обратимся сначала к самостоятельным выступлениям.

В 1918–1922 гг. вполне отчетливо проявились характеристики, отмечавшиеся исследователями в более ранние периоды истории, в том числе применительно к 1905–1907 гг. Это, с одной стороны, анклавность, неравномерность, возникновение самостоятельных упорных очагов протестного вооруженного движения. С другой – способность выстраивать спонтанные грандиозные волны вооруженного протеста в условиях, когда одни и те же раздражители вызывают сходные реакции.

Уже с лета 1917 г. можно говорить о первых очагах вооруженного противостояния в России. Конфликты ударников с латышами, разоружение боееспособными частями разложившихся, вооруженное препятствование братанию и другие подобные мероприятия со второй

половины 1917 г. становились все более кровавыми. С большевистского переворота и захвата власти с большевиками в крупных городах ситуация с очаговой вооруженной борьбой быстро оказывается вполне привычной. Деревня в эти месяцы занята другими делами. Крестьянин возвращается с войны, происходит часто скандальный и неэффективный, а иногда более или менее здравый и разумный земельный передел. Конец 1917 и первые месяцы 1918 г. во внутренних, далеких от фронтов губерниях многие интеллигентные наблюдатели описывают как время «мужицкого рая» – власти, нагрузки и подати всякого рода исчезли, земля оказалась в крестьянских руках...

Однако хозяйственный развал все острее давал о себе знать, граница с немцами оказалась под Курском и Воронежем, многие губернии попали под немилосердную для села австро-германскую оккупацию.

В результате уже весной 1918 г. в отдельных районах начинается жестокая местная вражда. Например, это район самарского Заволжья, где утверждаются отряды Чапаева и Сапожкова местного формирования. Они составят основу 4-й армии красного Восточного фронта. На другой стороне формировались отряды белых партизан, значительный массив которой окажется в составе Николаевского полка Уральской казачьей армии.

Краснопартизанские отряды стали бурно формироваться в полосе при демаркационной линии. Здесь значительное влияние на красных партизан оказывали левые эсеры, отчасти анархисты.

Гражданская война продемонстрировала, что навыки самоорганизации, способность организоваться как в административном, так и военном отношении проявляли не чисто крестьянские местности. Это прежде всего казачьи области, а также районы со смешанным населением: горнозаводские районы Урала и Прикамья, губернии со значительными вкраплениями фабричного населения, живущего старинным бытом, с развитыми традициями низового, крестьянского самоуправления. Это Уфимская, Вятская, Пермская, отчасти Екатеринбургская губернии. Именно названные местности смогли предложить самостоятельные версии более или менее организованных вооруженных сил. На красной стороне обширный район Каменноугольного бассейна (Донбасса) и Кузнецкого бассейна на востоке страны также дали значительные кадры красных партизан. На донбасской основе формировалась 10-я красная армия, из буйной вольницы выросшая в значительное объединение в рамках Южного фронта Красной армии.

Аграрные же губернии предложили более традиционные варианты крестьянского участия в вооруженной борьбе. Кроме того, естественно, прифронтовые губернии имели больше побуждений и возможностей к активности, чем внутренние, в которых с конца 1917 г. утвердилась советская власть.

Деревня реагировала тем ожесточеннее, чем более активно вторгался в ее жизнь город. Хлебная монополия, а с лета 1918 г. уже и выборочные мобилизации положили начало крестьянскому сопротивлению. Первый массовый призыв в РККА осенью 1918 г. поднял масштабные крестьянские восстания, охватившие многие десятки уездов центральных губерний страны. Они пришлись преимущественно на ноябрь – декабрь 1918 г. Успокоившись после них, деревня все-таки дала армии 800 тысяч призывников, что позволило красным развернуть военное строительство.

Отдельные восстания и выступления продолжались постоянно, очень много бунтов происходило в ответ на вызывающе безобразное поведение продовольственников, реквизиционных, карательных отрядов, местной администрации. Данные резоны работали и на красной, и на белой стороне.

Украинские губернии дали свою динамику крестьянской активности, ярко антипомещичью и антикоммунистическую, если понимать под последней в первую очередь категорическое неприятие коллективных форм земледелия.

1919 г. прошел в центральных губерниях под знаком массового дезертирства и зеленого движения. Накопление боевых кадров и навыков сделало возможным мощное и массовое движение осенью 1920 – летом 1921 г. На окраинах, в труднодоступных районах активная вооруженная борьба продолжалась до конца 1922 г. и далее.

В 1920–1921 гг. крестьянство выступило как в рамках самостоятельных организаций и собственных вооруженных структур (среди них наиболее известны союзы трудового крестьянства в Тамбовской губернии), так и в качестве красноармейцев, переходивших на повстанческое положение. В роли вождей восставших бойцов выступили Сапожков, Маслаков, Колесов, Вакулин – люди, служившие в РККА в ранге командиров полков, бригад, дивизий.

Как и в 1905–1907 гг., крестьянские выступления имели свои пики развития. В 1918 г. это ноябрь – декабрь, период массовых вооруженных слабоструктурированных выступлений во многих губерниях. В 1919 г. июнь – июль стали пиком зеленого повстанческого движения. Весна 1921 г. оказалась моментом наивысшего подъема массированного вооруженного протеста российского крестьянства. Именно в этот момент большевистская партия и приняла решение о смене экономической политики. Под властью белых правительств наиболее массовое повстанческое или партизанское движение развивалось на базе поражений белых войск, подпитываясь дезертирством и уклонением из рядов белых армий. Это осень – зима 1919 – 1920 гг.

С весны 1918 г. начинается процесс самоосознания добровольцами и вынужденными участниками вооруженной борьбы своей роли и места в этой борьбе. Очень широко стало использоваться наименование «партизан». Красные партизаны, белые партизаны, степные партизаны (организация в Заволжье), белоповстанцы (Степной край, Прикамье). Слово «партизан» стало синонимом «добровольца»^ воодушевленного сознательного бойца. Кроме того, партизанское положение означало и противоположность регулярности, армейской дисциплине. В Красной армии с 1919 г. началась борьба за изживание «партизанщины», которая шла с большими трудностями. Аналогом ее на белой стороне была так называемая «атаманщина», которой белые мемуаристы посвятят немало горьких, и не всегда заслуженно горьких, слов.

Рассмотрим, какие военные кадры имела деревня к началу широкой Гражданской войны.

В 1914 г., в ходе всеобщей мобилизации армии и флота, были подняты сразу все запасные и ратники первого разряда. Затем стали следовать призывы молодежи, ратников ополчения второго разряда. Кадровая, хорошо подготовленная пехота 1914 г. практически полностью погибла на полях сражений, частично попала в плен. Митинговавший пехотинец 1917 г. в массе своей не воспринял воинского духа. Это очень точно уловил Ленин, строя агитацию по знаменитой формуле: солдаты – это крестьяне, одетые в солдатские шинели.

Развернулась и массовая подготовка офицеров, благодаря чему к 1917 г. принципиально изменился облик разросшегося в разы офицерского корпуса. В его ряды массово пошел представитель «четвертого сословия», появились офицеры из невоенной молодежи, офицеры по выслуге из унтер-офицеров. Прапорщик стал наиболее массовым чином и массовым типом в новой офицерской среде. В результате так или иначе произошедшей демобилизации Русской императорской армии к весне 1918 г. в глубинке повсюду оказался кадр местных уроженцев – офицеров (по большей части прапорщиков) и унтер-офицеров. Далеко не всегда это были фронтовики: значительная часть служивших – это чины запасных и прочих вспомогательных частей. Но в любом случае на местах отныне имелся кадр людей с навыком службы. В результате «практически в каждой волости оказалось по несколько «своих» офицеров, что обеспечило «военспецами» практически всю территорию бывшей Российской империи»⁶⁷. В таком качестве они воспринимались и местным деревенским обществом. Поэтому в случае самодеятельной военной активности – при формировании добровольческого отряда, «банды», при выборе военрука и т. п. эти персоны неизбежно оказывались на первых ролях, даже не будучи сильно мотивированными или заинтересованными лично участвовать. В то же время положение «офицера» на подконтрольной советской власти территории автоматически пре-

вращало человека в кандидата на превентивные или иные репрессии и заложничество. В одном из уездов Воронежской губернии крестьянские восстания и городское подполье вызвали расстрел офицеров, которые учительствовали в пригородных селах (скорее всего, это и были местные учителя, надевшие прапорщицкие погоны в годы войны). Деревни надолго остались без учителей⁶⁸. Такие обстоятельства делали этих людей с навыками и неким кругозором весьма подвижными при возникновении критической ситуации – приближении фронта или восстании. Нередко выбор стороны оказывался predetermined, остаться в тени и благополучно для себя и семьи переждать не представлялось для них возможным.

С осени 1918 г. по России двинулись недавние военнопленные. Миллионы солдат попали в германский и австрийский плен. Среди них были кадровые солдаты 1914 г., были и сотни тысяч сдавшихся в ужасе летних боев 1915 г. не втянутых и слабообученных ратников ополчения. Так или иначе, эти люди отправились по домам. Массовое движение началось в зиму, на фоне разгоравшейся Гражданской войны. В Советской России существовал специальный орган – Центрпленбеж, который должен был оказывать содействие этим людям, а заодно и их агитационную обработку. На белых территориях также создавались специальные организации, ибо массив недавних военнопленных был велик. Красные пытались их мобилизовать, белые давали отсрочку. Важно отметить, что в деревенском мире человек, побывавший в плену, воспринимался как узнавший «большую» жизнь, человек, который может быть авторитетным в общих вопросах.

Обрисованные обстоятельства следует иметь в виду, оценивая характер массовых движений и то, какие персонажи могли оказываться в них на видных ролях.

В разворачивавшейся с 1917 г. Гражданской войне крестьянин мог быть солдатом (в белых рядах), красноармейцем (при регулярном построении РККА советская власть дистанцировалась от старых понятий, красноармеец обязан был быть развитым, «сознательным», политически грамотным) и повстанцем (партизаном, бандитом, самооборонцем). По политико-психологической природе следует выделить добровольца («самомобилизовавшегося», «партизана»), мобилизованного и дезертира (зеленого).

Многие крестьяне, особенно в тех местностях, по которым не раз прошел фронт, побывали за годы междоусобицы в разных ролях.

На белой стороне добровольчество было на первом этапе наименее крестьянским. Однако затем происходило смыкание добровольчества офицерско-интеллигентского и крестьянского. Красные пополнялись крестьянами прежде всего в районах, находившихся в зоне военных действий или подвергавшихся оккупации. Например, самые боеспособные полки (241-й Крестьянский и 242-й Волжский) 27-й стрелковой дивизии образовались из крестьянских партизанских отрядов, сражавшихся против германцев и гайдамаков, и поволжских крестьян, которыми оброс петроградский красногвардейский отряд, получивший закалку на внешнем финском фронте⁶⁹. Левые эсеры пытались создавать волостные советы и ВРК при них с организацией территориальной Красной армии и добровольческих отрядов на жалованье. По данным Н. Огановского, инициатива реализовалась в создании кое-где «волостных советов солдатских депутатов, содержащих банды хулиганов на счет крестьян. Хулиганы держали всю округу в страхе»⁷⁰.

Села – ремесленные центры, локальные товаропроизводящие районы часто оказывались, с одной стороны, более уязвимы в ситуации крушения рынка, с другой – лакомым куском для «реквизиций» любого рода. Поэтому неоднократно такие местности, тяжело пострадав в первый период революции, становились базой антибольшевистской борьбы или раскалывались, поставляя надежные контингенты противоборствующим сторонам. В последнем случае примером может служить степное самарское Заволжье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.